

ВЛАДИМИР КРУПИН

## ВОТ ВЗЯТЬ И ОСТАТЬСЯ...

### Письмо издателю

Вы всё время напоминаете мне, чтобы я написал книгу о Валентине Распутине. Я постоянно об этом думал, но пришёл к выводу, что написать её не смогу. В той мере, какой заслуживает его личность. И постараюсь это объяснить.

Судите сами. Я познакомился с ним поздней осенью 1972 года. Работал тогда редактором в издательстве “Современник”. И меня командировали в Иркутск, на конференцию молодых писателей. Она называлась “МТС”. Название меня насмешило: до армии я как раз успел поработать именно на МТС – машинно-тракторной станции.

– Чего заулыбался? – спросил мой начальник.

– Я слесарем по ремонту в МТС работал.

– А-а-а... Нет, это конференция “Молодость, творчество, современность”, такая “МТС”. Там сильная молодёжь.

Добавлю, что издательство “Современник” (создано в начале 1971 года) свершало великое дело помощи писателям и поэтам России. Это ветераны Союза писателей хорошо помнят. Когда меня демократы старались укубить за уязвимый, по их мнению, факт моего пребывания в партии, это мне как награда. Откройте архивы, темы наших партсобраний, протоколы партбюро: о чём шли наши радения? Именно о помощи писателям из провинции. Строго спрашивали с редакции прозы, поэзии, критики и литературоведения, национальных литератур именно за издание книг не просто писателей с мест, а непременно за поиски молодых талантов. А то, что они были везде, сомневаться не приходилось: это же Россия, это же русская литература, это же литература народов Российской Федерации.

И вот я полетел. В самолёте не спал ни минуты. Летели часов семь с посадкой в Омске. Разница в Иркутске с московским временем пять часов. Открытие конференции – в день прилёта. А я вторые сутки без сна. Конечно, уснул прямо в президиуме. И вдруг меня толкают в бок. Оказывается, что мне предоставляют слово. Но так как я в самолёте думал о выступлении, то легко его проговорил. Произнёс вызвавшую аплодисменты заготовленную фразу:

– И точно так, как в зиму сорок первого года пришли в Москву сибирские полки и защитили её, так и сейчас сибирские писатели приходят в литературу России и спасают её.

Мне было что сказать: имена иркутян мелькали в планах нашего издательства – Геннадий Машкин, Вячеслав Шугаев, Станислав Китайский, Евгений Суворов, Альберт Гурулёв, Глеб Пакулов, Дмитрий и Марк Сергеевы.

Значился и Валентин Распутин. Но я у него ничего не читал. Хотя слышал самые хорошие отзывы о его повестях “Последний срок” и “Вверх и вниз по течению”.

Перед торжественным ужином по случаю открытия конференции он сам подошёл, протянул руку. Как-то легко и улыбочиво с ходу мы стали на “ты”.

— Я видел, что ты спал, это же понятно, такая переброска во времени. Но хоть бы что — тебя объявляют, вышел, отбарабанил.

— Такие речи может и табуретка говорить.

Он просил обратить внимание на молодого прозаика Валерия Хайрюзова, который как раз числился в моём семинаре.

Ещё из того приезда запомнил, как смотрел с третьего этажа из окна гостиницы “Ангара” на уходящего Валентина. Ветер, метель, а он в лёгоньком пальто, лёгких ботиночках, даже без перчаток, прижав локтем к груди изрядную стопку книг и рукописей, пересекает огромную центральную площадь.

Ну вот, вернулся я в Москву, и на следующий день наутро увидел около своей кровати жену, которая прижимала к груди книгу Распутина. Она спросила:

— Ты проснулся?

— Да.

— Ты знаешь этого писателя, ты с ним знаком?

— Да, — отвечал я, — он же книгу-то подписал. Хороший парень. Обещал, когда будет в Москве, зайти в гости.

— Какой парень? — потрясённо сказала жена. — Ты понимаешь, что это великий писатель?

— Да я пока ничего у него не читал. Хотел в самолёте почитать, но эти иркутяне так проважают, что потом улетаешь от них как в тумане. А что, хороший писатель?

— Не то слово! Я же сказала — великий.

Тогда же прочитал я “Последний срок” и понял: жена моя, учитель литературы, права. Когда Валентин прилетел в Москву, позвонил мне, мы встретились, и я сказал:

— Ну вот, как мне теперь дальше жить? Я же тебя уже на “ты” называю, а теперь прочёл и не смею.

— Нет уж, пятиться не будем, продолжай на “ты” называть.

Я и продолжил. И продолжал все последующие сорок два года. И теперь, в тоскливом одиночестве после его ухода в жизнь вечную, понимаю, что ничего о нём не смогу написать. Не от бессилия — от неохватности его личности. Ведь это же только представить, и представить даже невозможно эту прожитую жизнь в дружбе с ним: обилие встреч, сотни заседаний на всяких съездах и пленумах, комиссиях, совместные поездки в десятки стран, тысячи и тысячи звонков, сотни писем и записок, тысячи и тысячи чаепитий, радости выхода книг, премьеры спектаклей и кино. Сами эти мероприятия как-то облагораживались одним его присутствием. Бывали они иногда в не очень дружеском окружении. Вот мы, члены комитета по Ленинским и Государственным премиям, приходим на первое заседание. Валя, осмотревшись:

— Видимо, нас сюда посадили для прибавки процента русских.

В 1986 году на съезде писателей СССР нас избрали секретарями правления. Пришли на первое заседание, входим, ну — генералитет! Пробралась подалее от начальственного стола. И тут сразу подошёл председатель правления Сергей Михалков:

— Это что такое? Это что за галёрка, что за оппозиция? Ну-ка, пошли со мной! — Привёл на первые места, приговаривая: — Вы здесь по праву, вы никого не выживали, никого не подсиживали, тут всегда и будьте.

А были мы тогда самыми молодыми членами Секретариата СП СССР.

С одной стороны, Валентин Григорьевич был неискоренимый пессимист, с другой — помню его и шутником. Летим в Венецию. А тогда очень читаемым был роман “Увидеть Париж и умереть”. Идём на посадку и долго, совсем низко летим над волнами, так и кажется, что булькнем. Валя хладнокровно смотрит в иллюминатор, поворачивается, улыбается: “Увидеть Венецию и утонуть”.

Приём в Ватикане у папы римского. Кардиналы в лиловом (шёпот на ухо: “Этот цвет показывает почтение к вашему визиту”) деликатно просят не занимать папу беседой более двух минут. Валя — мне:

– Бери мои две минуты и говори с ним четыре.

Первый раз мы вместе за границей были в 1976 году в Финляндии. И там наговорили много кой-чего. То есть ничего такого не говорили, но для того времени и это казалось смелостью. Валя:

– Вообще, я думаю, надо меньше писать. Всё уже написано. Надо больше читать. И меньше издавать новых книг. Будет экономия древесины, сохранятся леса. Сейчас писателей в Советском Союзе всё больше. Явный рост по сравнению с царским временем. В Орловской писательской организации пятьдесят человек (здесь он для красного словца увеличил цифру), пятьдесят, а до советской власти было только три писателя: Бунин, Лесков и Тургенев.

Я же в свою очередь добавлял:

– Мы уезжали из Москвы, и там был холодный проливной ливень, а вот у вас в Хельсинки сияет солнце. Значит, небеса более склонны к капитализму, нежели к социализму.

Такие шутки надолго (мне вообще на десять лет) закрыли нам выезды за рубеж.

Много чего можно вспомнить. Но что это добавит к показу личности Распутина? Главного всё равно не ухватить. Главное – невозможность выразить тайну его воцерковления. И значение этого в его жизни. Именно она давала ему силы в борьбе за возрождение Православия в нашем Отечестве. Крестился он осенью 1980-го в Ельце по благословию нашего первого общего духовника схииеромонаха Нектария (Овчинникова). Крестил архимандрит Исаакий. Были при этом только мы с Маргаритой (Ренитой) Григорьевой и келейница архимандрита. Раб Божий Валентин в своей новой белейшей рубашке прямо светился. И, несомненно, Крещение стало одухотворять его труды.

Вера Православная помогала ему сохранять великую скромность на заоблачных высотах власти и одновременно питала несгибаемую твёрдость в отстаивании позиций, когда дело касалось вопросов русской культуры, русского самосознания, русской самобытности.

Нет, пусть всё это останется только во мне – те места и события, когда мы были вместе: схождение Благодатного Огня в Страстную субботу в храме Воскресения Господня в Иерусалиме, и та ночь на поле Куликовом, и Прохоровское поле, могилы отца в Аталанке, дочери и жены в Иркутске, Ольхон и та морозная лунная ночь на Байкале, Япония и Монголия, Венеция, Ватикан, поездки в мою Вятку, Питер, Белгород, Мурманск, где был ранен его отец, Петрозаводск, Орёл (могила Воронцова), Киев и Минск, Вологда (иначе как нам без Василия Ивановича!) и научные центры подмосковных городов. И отдельно – Сергиев Посад, Задонск. И Новгород, и Кострома. И ночь у костра рядом с белеющим в темноте Ферапонтовым монастырём. Нилова пустынь... Всё это сияющее пасхальными свечами царство никогда мне не выразить, и пусть оно доживает и доживёт только во мне. Не от того, что не хочу им делиться, просто оно настолько велико, что не сумею. Нет уже сил, не смогу. А скорее всего, и не хочу.

И как вспоминать последние его земные годы. Эти болезни, вызванные двумя нападениями на него: в Красноярске и Иркутске. Его же убивали в самом прямом смысле этого слова. Особенно ужасно было видеть следы страшного удара по лицу. Когда даже лобная кость сломалась и потребовалась сложнейшая операция для выравнивания её.

А то московское утро, когда услышал об аварии самолёта в Иркутске и сразу позвонил ему, и спросил, не погиб ли кто из знакомых.

– Куда уж знакомее: Маруся ушла.

А потом и Света, венчанная жена, ушла. И восполнить такое ни сын, ни внуки, ни товарищи, ни друзья не могли. Одиночество обрушилось на него. Одиночество и болезни. Он так много перестрадал, что хватило бы на десятерых.

И – последняя встреча. Мы пришли к нему с иеромонахом Заиконо-Спаского монастыря отцом Иоасафом. Валя исповедовался и причастился. Лежал, весь выболевшийся и просветлевший.

Ушёл он в жизнь вечную в день иконы Божией Матери Державная. Он и родился в этот день. Несомненно, есть в этом что-то промыслительное, нам не доступное.

Дорогой издатель, судите сами, как обо всём этом написать? О том, как нас привели в алтарь храма Христа Спасителя, где показали мраморную доску

с именами членов первого совета по возрождению этой святыни. Там были и наши фамилии.

— Ради этой надписи стоило жить, — сказал Валентин.

А уже было через недолгое время в этом храме отпевание членов Совета Георгия Свиридова, Владимира Солоухина. Настала очередь и раба Божия Валентина. Именно в день своего рождения он ушёл в жизнь вечную. Ведь в Иркутске уже было 15 марта, когда в Москве 14-е. Близилась полночь. Что-то во всём этом есть промыслительное. Особенно то, что 15-е марта — это день Державной иконы Божией Матери, спасающей доселе Россию.

Ничего уже не вернётся. И умрёт вместе со мной. Но оно же было! Как и та ночь, когда мы сорвались из застолья в гостинице “Русь”, схватили частника и поехали на могилу его друга Сани Вампилова, погибшего за три месяца до нашей встречи. Машина буксовала, я швырял под колёса свою вятскую ямщицкую дублёнку. Вернулся в город ночью. Валя не сразу меня отпустил, привёл к себе домой. Тогда они жили на бульваре Гагарина, ближе к Ангаре. Мы потихоньку прокрались на кухню. Валя достал из холодильника вкуснейшую байкальскую уху, сваренную его женой, великой мастерицей Светланой.

Согласитесь со мной, что всем нам пока не под силу осмыслить появление Валентина Распутина в России и его значение для её нравственной жизни.

И вот вроде уже закончил оправдание своего бессилия написать о Распутине, как озарилось в памяти ещё одно воспоминание: Оптина пустынь, 1980-й год, разрушенный монастырь. Школа механизации. Ночуем в скиту. Постелили нам на полу в доме, в котором был Достоевский, а до этого были в келье преподобного Амвросия, у которой стоял Толстой. Там жил мужичок, который из пребывания в келье святого извлекал для себя житейскую радость жизни.

— Парни, — говорил он, — я же вижу, что вы неспроста. В смысле, здесь появились. Вообще, парни, закуска у меня есть, а сбегать ещё кое за чем, это я в момент.

Выдали ему сумму. Пока он бегал, пошли к колодцу, умылись и напились. Такая тишина стояла. Валя, поглядев на вершины сосен, сказал:

— Вот взять и остаться. А? Нет, смелости не хватит.